

Т.А. Трипольская

Новосибирский государственный педагогический университет

**Эмотивно-оценочная лексика
в свете антропоцентрических исследований**

Эмотивно-оценочный фрагмент лексической системы языка (ЭОЛ) является точкой пересечения интересов различных лингвистических дисциплин. Такой пристальный интерес лингвистов к данному фрагменту языка объясняется, видимо, комплексом причин.

Во-первых, обращение к эмотивно-оценочной лексике предоставляет возможность дальнейшей разработки теории лексического значения (ЛЗ) на качественно ином словарном материале. В результате привлечения ЭОЛ к решению теоретических проблем ЛЗ в лингвистике сформировалось представление об устройстве разноаспектного ЛЗ, содержащего денотативные и коннотативные макрокомпоненты в своей структуре; предложены различные модели коннотации, содержащей от двух-трех компонентов до множества признаков, отражающих субъективный взгляд говорящих на действительность.

Во-вторых, ЭОЛ – это плацдарм для продолжения исследований регулярной многозначности, а также процессов семантической аналогии, проявляющихся в различных лексических группировках. Кроме того, это и привлечение нового языкового материала в дальнейшее осмысление типологии ЛЗ.

В-третьих, на определенном этапе к осмыслению полученных лексикологами результатов подключилась теоретическая и практическая лексикография, вначале делая попытки адаптировать «фразосущую» словарную статью эмотивно-оценочного слова к требованиям толкового словаря, в дальнейшем же стремясь рассмотреть данный языковой материал под новым углом зрения – создания словаря активного типа или специального словаря экспрессивной лексики (А. Рэй и С. Делесаль, В.Н. Телия, Ю.Д. Апресян, Н.А. Лукьянова).

В-четвертых, ЭОЛ была включена в системные исследования лексики на «микро- и макроуровне» (В.Г. Гак), что позволило рассматривать типы смысловых отношений денотативного и коннотативного характера.

В связи с изменением основных ориентиров в научной парадигме, признанием важнейшей точкой отсчета понятия человеческого фактора ЭОЛ вновь оказалась в центре внимания исследователей.

В современной лингвистике сосуществуют несколько научных парадигм: функциональная, системно-структурная, коммуникативная, когнитивная, антропоцентрическая, текстоцентрическая, прагматическая. Е.С. Кубрякова считает, что полипарадигматизм – показатель зрелости такой гуманитарной науки, как лингвистика. Это обеспечивает анализ объекта (языка) сразу по нескольким направлениям [Кубрякова, 1994, с. 4].

Заявленная проблема описания эмотивно-оценочной лексики в антропоцентрическом аспекте требует осмысления эмотивной оценочности в свете идей антропоцентризма, в свете формирующегося антропоцентрического направления современной лингвистики. Проблемы складывающейся научной парадигмы активно обсуждаются в лингвистической литературе последних лет. В результате этого антропоцентрический подход (направление, парадигма, аспект изучения) обретает достаточно отчетливые очертания. Так, общей чертой лингвистических описаний в русле этого подхода будет признание того, что «в антропологической парадигме языка ... центральной методологической задачей становится эксплицитное включение в онтологию языка универсума человека, позволяющее объяснить на единой методологической основе все важнейшие моменты существования языка, касающиеся его природы, функционального предназначения... общих принципов внутренней организации» [Постовалова, 1995, с. 406-407]. Включение в онтологию языка универсума человека предполагает, с одной стороны, изучение языка, соотносящегося с говорящим человеком, с другой стороны, предметом лингвистики становится человек, изучаемый посредством языка. Данная принципиальная установка антропоцентрической парадигмы – это важный шаг в формировании и осмыслении новых подходов в интерпретации языковых явлений, однако применительно к описанию конкретных участков языка под заданным углом зрения она требует дальнейшей разработки и конкретизации.

Задачами настоящего исследования являются: 1) анализ основных аспектов изучения ЭОЛ (70-80-е годы), которые так или иначе подготовили включение проблем эмотивно-оценочного словаря в современную антропоцентрическую парадигму; 2) выявление и осмысление современных антропоцентрических направлений, в рамках которых изучение ЭОЛ представляется перспективным.

Такая постановка задачи определяет направление поиска: лингвистические теории оценки, эмотивной оценки и экспрессивности будут рассматриваться с позиций имплицитно или эксплицитно присутствующего в них фактора говорящего человека, поскольку новая антропоцентрическая парадигма в отечественном языкознании не является привнесенной извне, она подготовлена всем ходом развития лингвистики, и семасиологическими исследованиями ЭОЛ в частности.

Утверждение новой парадигмы всегда связано с отрицанием, хотя бы частичным, предшествующих позиций. Это закономерный процесс, но, как кажется, своевременным и актуальным будет обращение к проблемам традиционной семасиологии, исследующей ЭОЛ, из которой «выросли» различные коммуникативные направления исследования языка.

Мы исходим из положения о том, что актуализация человеческого фактора в исследованиях языка подготовлена целым комплексом причин, среди которых приоритетное положение занимает процесс гуманизации научного знания [Сулименко, 1994, с. 3].

Важным фактором является и очевидное влияние современных зарубежных направлений, ориентированных на говорящего человека: теории речевых актов (Остин, Серль, Вежбицкая, Конрад, Кларк, Карлсон и др.), теории семантических примитивов (Лакофф, Вежбицкая, Рош), когнитивной лингвистики (Филмор, Лакофф, Рош, Ван Дейк, Минский, Джекендофф и др.), когнитивной психологии (Ортони, Клоур, Коллинз, Рош и др.).

Определяющими же факторами становления новой научной парадигмы являются уровень отечественных семасиологических исследований, в том числе и в области ЭОЛ, а также предвосхитившие современное антропоцентрическое направление идеи А.А. Потебни о соотношении языка и мышления, М.М. Бахтина о речевых жанрах, В.В. Виноградова о языковой личности, основные положения теории деятельности и теории речевой деятельности, развивающие мысль о мотиве и

цели, А.Н. Леонтьева и Л.С. Выготского и др.

Действительно, поиск антропоцентрических оснований интерпретации языка в отечественном языкознании в существенной мере подготовлен глубокими семантическими описаниями языковой системы. Проблемы человеческого фактора в языке в той или иной мере учитывались в серьезных системных исследованиях языка. Не декларируемые в работах 70-80-х годов, в имплицитном виде они подготавливали постановку и решение в сегодняшних работах проблем нового уровня. Поэтому задача объяснить поведение языковых единиц с опорой на общие антропоцентрические механизмы оказалась совершенно органичной, не противоречащей «положению дел» в русистике. Как считает Е.В. Рахилина, «здесь происходит «встреча» когнитивной семантики с отечественной традицией... В более привычной для нас парадигме... антропоцентричность языка была открыта в процессе глубоких семантических исследований, – т.е. «внутри» лингвистики, и это создало расширение ее границ» [Рахилина, 1998, с. 278].

Для исследования ЭОЛ в антропоцентрическом аспекте последнее положение имеет наиважнейшее значение: изыскания в этой языковой области сформировались, конечно, не без влияния зарубежных направлений (прагматики, современной лексикографии, логического анализа языковых единиц), однако определяющими в становлении антропоцентрического подхода являются результаты структурно-семантических, функционально-семантических, семантико-лексикографических и семантико-прагматических исследованиях ЭОЛ последнего тридцатилетия. Поэтому и анализ современных концепций языковой рациональной и эмоциональной оценки, а также проблем экспрессивности будет произведен под этим углом зрения: как, из каких исследований, гипотез, идей, теорий и экспериментов «прорастал» актуальный в современном языкознании антропоцентрический подход к изучению ЭОЛ.

В области изучения ЭОЛ в наибольшей степени ориентированными на экспликацию человеческого фактора в языке являются: во-первых, исследования коннотации в русле функционально-семантического анализа ЭОЛ; во-вторых, теоретические и практические работы по лексикографии ЭОС, цель которых – написание словаря активного типа, учитывающего прагматические параметры этих лексических единиц.

Лингвистическая мысль сосредоточилась на тех компонентах ЛЗ эмотивно-оценочного слова, которые отображали отношение говорящего субъекта к действительности, – на коннотативных, или коннотации. Именно этот аспект семантики ЭОЛ напрямую ориентирован на круг проблем, которые в настоящее время рассматриваются в русле прагматики и когнитивной лингвистики. Н.Д. Арутюновой принадлежит мысль о том, что на оценке «сошлись» все проблемы антропоцентрического плана. Поэтому, занимаясь любыми аспектами проблемы оценки (и тем более эмотивной оценки, являющейся более субъективным знаком для интерпретации действительности), исследователи не могли избежать вопросов, в какой-то степени вводящих их в область, определяемую понятиями субъекта, адресата, речевого акта, намерения и условия коммуникации и др. Так, М.И. Черемисина в работе, посвященной проблемам и перспективам изучения экспрессивной лексики, определяет значимые параметры описания экспрессивного значения: кто, где, когда, в разговоре с кем и почему употребляет ненейтральное слово [Черемисина, 1979].

Однако, учитывая результаты описаний разных аспектов эмотивно-оценочного значения, отмечая в них элементы антропоцентрического плана, не будем забывать о доминантной установке этих лингвистических исследований, ориентированных на изучение устройства «языковой системы как конструкта, статичной схемы» [Сулименко, 1994, с. 4], которое вполне обходилось без фигуры говорящего человека. Говорящий субъект в серьезных работах был имплицитной величи-

ной, а чаще этот фактор не учитывался совсем. В.И. Постовалова, отмечая разные пути учета антропологической природы языка, выделяет такой, при котором «человек в теорию не вводится (лингвистическая парадигма остается по-прежнему «бесчеловечной»), но сам язык при этом гипостазирован в антропологическом ключе – наделяется практически всеми чертами человека («одушевляется»), мифологизируется» [Постовалова, 1995, с. 407].

Об общей сосредоточенности на проблемах системно-структурного описания ЭОЛ (без учета антропоцентрических параметров функционирования языка) свидетельствует и исследовательский материал – собранные разными лингвистами картотеки, в которых представлены минимальные контексты, содержащие актуализаторы тех или иных аспектов эмотивно-оценочного значения слова. В этот языковой материал практически не попадал говорящий субъект со своим эмоциональным состоянием, эмоциональной структурой личности, широким спектром интенций, реализуемых с помощью ЭОЛ, со своими языковыми предпочтениями и личностной эмотивно-оценочной картиной мира. Вне поля зрения оставались проблемы взаимодействия говорящего субъекта и языкового знака, условия и специфика эмотивно-оценочной интерпретации события.

Знания, полученные в рамках указанных семасиологических и лексикографических исследований ЭОЛ, в существенной мере определили пути ее антропоцентрического изучения.

Если говорить о становлении новой научной парадигмы и об антропоцентрических аспектах описания ЭОЛ, нельзя не сказать особо о работах В.Н. Телия, Е.М. Вольф, В.И. Шаховского и Н.А. Лукьяновой. Именно в их семантико-функциональных и лексикографических исследованиях в 80-е годы органично и закономерно появился «антропоцентрический аспект», который эксплицитно присутствовал в интерпретации пусковых механизмов процесса эмотивной оценки, в выявлении структурных и содержательных категорий эмотивного текста [Шаховский, 1987], в описании микро- и макрокомпонентов семантики эмотивно-оценочного значения и языковых механизмов экспрессивности [Телия, 1991], а также в исследовании специфических признаков эмотивной и рациональной оценок и семантической структуры оценочного высказывания [Вольф, 1985; 1996].

* * *

Анализ лингвистических направлений последнего десятилетия в данной работе производится с целью поиска новых подходов, методов, гипотез, позволяющих развивать современную теорию эмотивно-оценочного значения в антропоцентрическом направлении.

Антропоцентрический подход в современной русистике начал внедряться в лингвистические исследования с таких языковых областей, как вводно-модальные слова и конструкции (описание модусной зоны высказывания) (Всеволодова, Шмелева, Золотова, Арутюнова), модальных частиц (Николаева), местоимений (Арутюнова, Селиверстова и др.). Постепенно круг языковых проявлений человеческого фактора расширялся. Так, Г.В. Колшанский, считает, что «особенно наглядно человеческая сущность языка проявляется в категории модальности» [Колшанский, 1990, с. 91], также «ярким примером индивидуального человеческого подхода к явлениям мира и средствам их языкового выражения является синонимия, как абсолютная, так и относительная, особенно в области оценочных категорий» [Там же, с. 95]. В настоящее время количество выявленных языковых областей, так или иначе ориентированных на проявление человеческого фактора, стало весьма значительным, что позволяет предположить дальнейшую экспансию указанного подхода, вызванную тем, что практически любой участок языка воплощает в себе какие-то аспекты антропоцентрического плана в силу конвенцио-

нальной природы словаря и грамматики, «консенсуса» на уровне усредненной языковой личности.

В этом контексте ЭОЛ занимает все-таки особое место: будучи знаком ценностного суждения и эмоционального реагирования на действительность и реализуя широкий спектр интенций говорящего субъекта, она одновременно включается в исследования разных проявлений человеческого фактора.

К концу 90-х годов антропоцентрический подход в изучении языка становится реальным научным течением, в нем определяются некоторые направления, формируются методы и приемы анализа языкового материала под новым углом зрения, развивается терминологический аппарат. Этот процесс развития научной парадигмы есть предмет специального исследования, например, для историков науки. Свою задачу мы видим в том, чтобы наметить различные аспекты антропоцентрического плана в исследовании ЭОЛ, актуальные для дальнейшего изучения этого языкового феномена.

В настоящее время в лингвистике можно назвать несколько исследовательских направлений, центральную позицию в которых занимает говорящий человек. Не претендуя на полноту, сосредоточимся на тех, которые либо уже «включены» в процесс антропоцентрического описания ЭОЛ, либо работа в их русле представляется нам перспективной, позволяющей, благодаря введению антропоцентрических параметров в описание языковых единиц, выявлять ранее не изученные специфические семантико-прагматические и когнитивные особенности эмотивно-оценочного слова, а также получать знания о человеке в зеркале эмотивно-оценочного дискурса, о человеке эмоционально и оценочно интерпретирующем действительность, воплощающем в речи свои многообразные интенции с помощью ЭОЛ.

Антропоцентрическая ориентация семантики эмотивно-оценочного слова проявляется в реализации коммуникативных потребностей говорящих, в координатах эмотивно-оценочного речевого акта и, шире, эмотивно-оценочного дискурса, а также в особом способе эмоциональной и аксиологической интерпретации действительности. Исходя из этого, в качестве ведущих направлений антропоцентрического исследования ЭОЛ целесообразно рассматривать интерпретационный и когнитивный подходы.

Интерпретационный подход

Интерпретационная лингвистика исходит из представлений о том, что в основе владения языком и его использования лежит один и тот же интерпретационный механизм, обслуживающий разные виды языковой деятельности. Сама же интерпретация представляет собой получение на основе одного исходного объекта (называемого интерпретируемым объектом) другого, предлагаемого интерпретатором в качестве равносильного исходному на конкретном фоне ситуации, набора презумпций, знаний. В наиболее широком смысле цель интерпретации – в установлении гармонии или поддержании уже сложившихся гармоничных отношений между внутренними мирами реципиента и автора речи [Демьянков, 1985].

Данный подход интерпретационной лингвистики центральной фигурой считает языковую личность в ее индивидуальных языковых проявлениях.

Это не единственное понимание интерпретации в современной лингвистике. А.В. Бондарко, говоря о языковой интерпретации смыслового содержания, подчеркивает, «что в языковых значениях следует различать аспекты, которые могут быть истолкованы как а) смысловая основа данного значения и б) интерпретационный компонент – способ представления смысла, связанный с данной формой» [Бондарко, 1996, с. 6]. И далее: «Смысловая основа языкового значения и ИК – это разные аспекты единого целого. ИК никогда не выступает в «чистом виде»... Содержание, выражаемое формальными средствами, всегда выступает в той или

иной языковой интерпретации как «прошедшее сквозь призму» системы и структуры данного языка» [Там же, с. 7].

Этот подход интерпретационных исследований сосредоточен на изучении интерпретационного компонента в содержании языковых единиц, дифференциации и взаимодействия мыслительной основы содержания и ее языковой интерпретации (способе представления), которая реализуется в различных типах структурирования смысла, то есть исследователи опираются в первую очередь на типовые структуры языка.

Представляется, что эти подходы не противоречат друг другу, имеют один объект и, двигаясь навстречу друг другу, углубляют и развивают неоднократно декларированное положение о взаимодействии коллективного и индивидуального в языке, языковой категоризации и творческой деятельности индивида.

Тем не менее эти направления мало взаимодействуют друг с другом, вероятно, потому что первое из них сосредоточивает свое внимание на лексическом материале, а второе – на грамматическом. Такое положение дел вполне закономерно, так как отражает специфику того и другого уровня языка: говорящий рефлектирует по большей части по поводу своего словаря, выбора слова, характерного/нехарактерного для него как языковой личности. В грамматических же исследованиях, имеющих дело с более жестко организованной системой и в меньшей степени осознаваемыми значениями, возможности выбора ограничиваются факторами обязательности, определяемыми структурой данного языка.

Но на наш взгляд, нельзя игнорировать тот факт, что и лексическая система может достаточно жестко направлять поиск нужного слова, а в грамматике есть возможность маневра (но моменты выбора не так очевидны), как в лексике – регламентация речевого поведения (термин Т.Г. Винокур). Чтобы их выявить, нужен специальный, целенаправленный поиск, сочетающий оба подхода при характеристике лексических и грамматических явлений [Матханова, Трипольская, 1994]. Особое преломление получает понятие интерпретации применительно к оценке своего речевого поведения говорящим субъектом. В общем виде эта проблема поставлена В.В. Виноградовым в исследовании вводно-модальных слов и выражений, затем разрабатывалась А. Вежбицкой в статье о метатексте [Вежбицкая, 1978], в которой выделяется группа метатекстовых элементов, выражающих отношение субъекта речи к выбранному языковому знаку и, шире, к своей коммуникативной стратегии. Процесс вербализации своего осмысления природы слова (в разных ее аспектах) исследовался Т.Г. Винокур [Винокур, 1980; 1993], Н.Е. Сулименко [Сулименко, 1988], а позднее в работах М.В. Ляпон он представлен в терминах саморедактирования и создания языкового автопортрета [Ляпон, 1989; 1995].

При всем многообразии подходов к понятию интерпретация можно выделить общий знаменатель – во-первых, учет позиции говорящего человека, интерпретирующего с помощью языка действительность и осмысляющего используемый языковой знак, а во-вторых, взаимодействие языковой категоризации и творческой активности человека, намеченной в работе У. Чейфа [Чейф, 1983].

В изучение ЭОЛ в антропоцентрическом аспекте эти подходы интерпретативной лингвистики (в их различных вариантах) постепенно внедряются, охватывая широкий круг проблем, связанных с осмыслением ЭОЛ в новой научной парадигме.

Во-первых, перед исследователем эмотивно-оценочного дискурса встает задача идентификации эмотивно-оценочного речевого акта, то есть интерпретации семантики и прагматики (интенций) высказывания, построенного с помощью полифункционального языкового знака с вариативной и диффузной денотативной и коннотативной семантикой.

Поскольку высказывания с ЭОЛ далеко не всегда выражают только эмотив-

ную оценку (они передают широкий спектр коммуникативных намерений говорящих), проблема их интерпретации адресатом и лингвистом-исследователем является актуальной в свете прагматических описаний языка. Она связана с дальнейшей разработкой лингвистических процедур выявления интенции речевого акта.

Здесь происходит пересечение интересов интерпретационной лингвистики и теории речевых актов (а также активно разрабатываемой в русистике теории речевых жанров): поскольку в качестве основного критерия идентификации речевого акта (и речевого жанра) выдвигается цель, намерение, интенция говорящего (Остин, Серль, Карлсон, Бахтин, Кобозева, Арутюнова, Золотова, Шмелева, Гловинская, Федосюк и др.), то неизбежно встает проблема «прочтения» ведущей и второстепенных интенций высказывания. Применительно к высказываниям, построенным с помощью ЭОЛ, эта проблема становится особенно актуальной, так как в области выражения эмотивных оценок (в большинстве своем негативных) говорящий редко эксплицирует свои намерения, они остаются имплицитной величиной. Исследовательский механизм считывания интенций пока детально не разработан: в качестве маркеров речевого акта рассматриваются формальные показатели речевых намерений говорящего (*я бы посоветовал, прошу вас, хочу тебе пожаловаться* и др.). Исключением является работа Т.А. ван Дейка [ван Дейк, 1989], где описывается прагматический контекст высказывания, который также требует дальнейшего исследования, детализации и апробации на конкретном языковом материале. Поэтому одной из актуальных задач исследования высказываний с ЭОЛ является построение типологии интенций говорящего, воплощенных в эмотивно-оценочном дискурсе [Трипольская, 1999].

Во-вторых, в употреблении ЭОЛ как альтернативной зоны русского словаря неизбежно встает вопрос об эмотивно-оценочной интерпретации действительности говорящим субъектом: о соотношении надындивидуальной (языковой) и индивидуальной интерпретации события с помощью ЭОЛ.

Об уровне индивидуальной интерпретационной деятельности мы можем судить по следующим моментам: 1) если язык представляет систему альтернативных способов выражения, говорящий должен отсеять негодные, с его точки зрения, отдав предпочтение тем, которые соответствуют его интенциям и вкусам; 2) говорящий выстраивает эти средства в индивидуальную парадигму (значимость тех или иных единиц в ней может не совпадать с языковой).

Интерпретация события может быть в разной степени осознанной. Эксплицированный выбор языкового выражения, как нам кажется, позволяет судить об его осознанности (тогда как отсутствие экспликации оставляет вопрос об осознанности/неосознанности выбора открытым).

И, наконец, в изучении ЭОЛ важным представляется проблема интерпретации языкового знака говорящим субъектом.

Поскольку ЭОЛ – прагматически маркированный языковой знак, мы исходим из предположения о том, что его употребление имеет ряд специфических черт: оно определяется стилистическими, коммуникативными, межличностными и интенциональными факторами речи. Поэтому, выбирая его, говорящий совершает речевой поступок (Т.Г. Винокур), вербализующий его намерение выразить эмоциональное состояние, эмотивную оценку, создать особую коммуникативную обстановку, воздействовать на эмоциональное состояние и ценностную картину мира адресата и др.

Кроме того, отдавая предпочтение ЭОЛ, коммуникант демонстрирует свое умение переключать языковые регистры, склонность к языковому экспериментированию и языковой игре, а также языковой вкус и «языковое само моделирование» (М.В. Ляпон).

Когнитивный подход (концептуальный анализ языка)

Будучи скорее исследовательской программой, нежели отдельной научной отраслью, когнитивный подход объединил усилия психологов, лингвистов, логиков и специалистов компьютерной науки [Петров, 1996, с. 5]. Этот подход основывается на идее о том, что мышление представляет собой манипулирование ментальными репрезентациями типа фреймов, сценариев, моделей и других структур знания.

Естественный язык как основная форма фиксации наших знаний о мире и как источник исследования самих этих знаний, был осмыслен лингвистикой и когнитивной психологией недавно. Однако уже появилась форма научных изысканий, называемая концептуальным анализом. Об этом же типе лингвистических процедур идет речь в логическом анализе языка (книги «Логический анализ языка»), цель которого – описать ведущие концепты в концептуальной картине мира говорящего социума. В этом же ключе выполнены, например, исследования «об-раза» эмоций (Вежбицкая, Апресян, Арутюнова, Иорданская и др.).

Применительно к исследованию ЭОЛ нас в теории когнитивной лингвистики будут интересовать вопросы содержания концепта, соотношения различных концептуальных областей в картине мира и пути исследования этого феномена.

Ориентированность на говорящего субъекта в понимании концепта отражена в Кратком словаре когнитивных терминов: «Оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга... всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания... в виде неких «квантов» знания... *информация может включать как сведения об объективном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых мирах и возможном положении дел в этих мирах. Это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира* (выделено нами – Т.Т.) [Кубрякова, Демьянков и др., 1996, с. 90].

Для нас это особо значимо, поскольку эмотивно-оценочное слово отображает знания (вернее, мнения), не обязательно привязанные к условиям истинности, не менее значима для концептуального анализа ЭОЛ и отсылка к воображению, если учесть, что, по Л.С. Выготскому, образы – это язык чувств.

Обращает на себя внимание тот факт, что объем информации, называемый концептом, существенно расширился, включив широкий спектр так называемых субъективных типов знания и тем самым актуализировав человеческий фактор. Ср. : «Концепт – это все то, что мы знаем об объекте во всей экстенсии» [Телия, 1996, с. 97]. Сочетаясь и взаимодействуя, различные концептуальные области организуют тезаурусный уровень языковой личности.

«Считается, что лучший доступ к описанию и определению природы концепта обеспечивает язык» [Там же, с. 90]. Однако дискуссионным остается вопрос, какая именно концептуальная информация и в каком виде отражается в языке. Компромиссная точка зрения состоит в том, что часть концептуальной информации имеет языковую «привязку», т.е. способы их языкового выражения, но часть этой информации представляется в психике иным образом, т.е. ментальными репрезентациями другого типа [Там же, 1996, с. 91].

Разнородные типы информации (языковой и неязыковой) каким-то образом взаимодействуют в сознании индивида. Р. Джекендофф считает, что в человеческом сознании должен существовать такой уровень представления о мире, на котором языковая информация совмещается и сравнивается с информацией, полу-

ченной по другим каналам. Такой единый уровень, на котором языковые, сенсорные и моторные виды информации совместно обрабатываются и взаимодействуют, называется концептуальным. С этой точки зрения семантические феномены в языке – это те концепты, которые получили свое языковое воплощение [Jackendoff, 1975, p. 3]. Исследователи единодушны в том, что, самые важные концепты кодируются в языке, в первую очередь – в его лексической системе.

Соотношение слова, его семантики, с когнитивной структурой языка и мышления активно обсуждается в лингвистике последних лет. Такое понимание лексического значения слова отражено, например, в работах М.В. Никитина: «В когнитивном аспекте ЛЗ представляет собой сложные образования, на структуру которых спроецированы связи и отношения концептуальных систем сознания» [Никитин, 1983, с. 26].

Слово как элемент лексической системы языка, включающее в свою содержательную структуру информацию о когнитивных аспектах картины мира, становится основной величиной в процессе их выявления и описания.

И, наконец, важнейшим источником описания природы и содержания концепта является текст как продукт речемыслительной деятельности. Как считает Г.В. Колшанский, «тексты как результаты мыслительной деятельности содержат понятнейшее богатство разума» [Колшанский, 1990, с. 24].

Ключевым в осмыслении взаимосвязи когнитивных и коммуникативных явлений текстопорождения становится понятие концепта, соотносимого со способами концептуализации явлений человеком [Сулименко, 1996, с. 6-7]. И далее: «Лингвистически значимая когнитивная информация может иметь эксплицитную и имплицитную форму своего выражения» [Сулименко, 1994, с. 46]. Анализируя эти типы лингвистической информации, мы и строим концепт как «объект из мира “Идеальное”, имеющий имя и отражающий определенные культурнообусловленные представления человека о мире “Действительность”» [Вежбицкая, 1990].

Концептуальная информация, хранящаяся во фреймах, актуализируется с разной степенью полноты в тексте. Анализируя ее, мы осуществляем встречное движение: от концепта – к слову, его воплощающему, и от слова во всем многообразии его текстовых связей – к концепту как элементу тезауруса.

Такое понимание природы, объема и способов описания концепта позволяет включить в процесс когнитивного описания языка ЭОЛ, которая к концептуальному анализу пока не привлекалась: обычно исходили из положения о том, что природа ЭОЛ определяется эмоциональной информацией, предполагая у эмоций оценочную функцию. Основания для концептуального анализа ЭОЛ имеются, так как «любое понятие, даже воображаемое, к какой бы области сенсорики оно ни относилось, может стать заметным только если имеет имя, имеет внутреннюю оценку индивидом» [Жинкин, 1982, с. 17-18].

ЭОЛ – уже ставший традиционным объект прагматических исследований, включение же ее в круг проблем когнитивной лингвистики и психологии лишь начинается. Так, Е.С. Кубрякова считает, что обращение к когнитивным аспектам оценки (и эмотивной оценки, в частности – *T.T.*) позволит выявить в ней нечто новое [Кубрякова, 1991, с. 5-6].

Когнитивная парадигма изучения ЭОЛ предполагает следующие аспекты ее описания: во-первых, опираясь на наше представление о специфике языкового знака, мы можем выдвигать и обосновывать гипотезы об особенностях ментальной деятельности человека, включающей эмоциональную и оценочную интерпретацию события; во-вторых, возможен уже известный путь описания концептов с целью экспликации эмотивно-оценочной картины мира (анализ, предпринятый пока на ином языковом материале); в-третьих, на основе представления об усредненном варианте языковой картины мира возможно описание когнитивного уров-

ня индивида.

Описание когнитивного уровня предполагает выявление понятий, идей, концептов, из которых складывается «картина мира, отражающая иерархию ценностей» [Караулов, 1989], а ЭОЛ к вербализации ценностной парадигмы говорящего социума имеет непосредственное отношение: выражает оценку, модифицированную, скорректированную сопровождаемыми актом оценивания эмоциями.

И, наконец, перспективным представляется комплексный подход в русле когнитивной прагматики, предполагающий описание коммуникативных параметров дискурса как когнитивных сущностей: Т.А. ван Дейк считает, что когнитивная теория, используя понятие когнитивных фреймов, должна дать объяснение нашей способности совершать и понимать речевые акты [ван Дейк, 1989]. Включение ЭОЛ в парадигму когнитивного описания представляется целесообразным и предполагает систему исследовательских действий «отсистемного» и «оттекстового» планов, что делает логичным обращение к понятию эмотивно-оценочного дискурса [Трипольская, 1999].

Таким образом, основные подходы изучения антропоцентрических аспектов ЭОЛ лежат в русле когнитивной лингвистики, исследующей способы концептуализации действительности, в области интерпретационной лингвистики, а также теории языковой личности, которая интегрирует все антропоцентрические подходы к описанию языка.

Литература

- Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб, 1996.
- Вежицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8.
- Вежицкая А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус // Язык и структура знаний. М., 1990.
- Винокур Т.Г. Закономерности стилистического употребления языковых единиц. М., 1980.
- Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний // Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность. М., 1996. С.137-167.
- Дейк Т.А. Ван. Язык. Коммуникация. Познание. М., 1989.
- Демьянков В.З. Основы теории интерпретации и ее приложение в вычислительной лингвистике. М., 1985.
- Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
- Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 31-44.
- Колшанский В.Г. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
- Кубрякова Е.С. Прагматика и когнитивная лингвистика // Прагматические аспекты языкового функционирования. М., 1991. С. 5-7.
- Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания и в лингвистике и ее современный статус // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1994. Т. 53. № 3.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность. М., 1989. С. 24-34.
- Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык –

- текст. Язык – способность: к 60-летию Ю.Н. Караулова. М., 1995.
- Никитин М.В. Лексическое значение слова. М., 1983. С. 260-276.
- Матханова И.П., Трипольская Т.А. Интерпретационный компонент в языке и творческая активность человека // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте. Новосибирск, 1994. С. 115-122.
- Петров В.В. Язык и искусственный интеллект: рубежи 90-ых годов // Язык и интеллект. М., 1996. С. 5-13.
- Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 342-420.
- Сулименко Н.Е. Антропоцентрические аспекты изучения лексики. СПб, 1994.
- Сулименко Н.Е. Лексика в процессах текстопорождения // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака. Новосибирск. 1996. С. 6-16.
- Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 36-66.
- Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: Когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск, 1999.
- Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып.12.
- Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
- Шаховский В.И. Языковая личность в лингвистике эмоций // Языковая личность и семантика. Волгоград, 1994. С. 130-131.
- Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: Культурные концепты. Волгоград – Архангельск, 1996. С. 80-96.
- Jackendoff R. Morphological and semantic regularities in the lexicon // Language. Vol. 51. № 3.